

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

Е. Г. Комиссарова

Пермский государственный национальный исследовательский университет

г. Пермь, Российская Федерация

Тюменский государственный университет

г. Тюмень, Российская Федерация

Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений

Резюме. Автор обращается к исходным политико-правовым сущностям, на которых устроен семейно-правовой институт происхождения ребенка. Их актуализация важна для снижения неоправданно высокого уровня спорности между доктринальным и законодательным видением этого института, а также для преодоления тех теоретических неточностей, которые накопились в научном описании проблемы происхождения ребенка. Авторский подход к ее научному описанию построен исключительно на семейно-правовом срезе проблемы. Итоговые выводы отражают научные взгляды автора на поставленную проблему и состоят в следующем. Юридический смысл норм о происхождении ребенка однозначно отражает приоритеты кровнобиологического происхождения. Семейное законодательство не ориентировано на классификацию происхождения на виды. Оно лишь может предусмотреть отдельные исключения на стадии признания лица родителем. Возможности репродуктивной медицины сами по себе не способны изменить законодательное и доктринальное видение того, как должен быть устроен институт происхождения ребенка. Исторически он имеет четко обозначенные законом границы — от акта деторождения до акта родительского признания по закону. Эти границы задают семейно-правовой смысл нормам о происхождении ребенка. На уровне должного они устанавливают то, от чего зависит жизнь ребенка после его рождения. Несогласованность текущих семейно-правовых дискурсов, описывающих процедуры технологического зачатия, с этой максимой дала основания для необоснованных выводов о том, что в зависимости от обстоятельств зачатия происхождение может быть разным. Противостоять этим заблуждениям способна теоретически обустроенная и цельная семейно-правовая концепция происхождения ребенка.

Ключевые слова: происхождение ребенка; установление происхождения; биологическое родство по происхождению; культурные и политические ориентиры; технологическое зачатие; биомедицина и право; правовые следствия эволюции технологий; культурно-политические ориентиры; ценностные убеждения; предметные границы проблемы

Для цитирования: Комиссарова Е. Г. Действующая нормативная модель происхождения ребенка в контексте биомедицинских достижений. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 2. С. 22–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

The Current Normative Model of the Child's Origin in the context of Biomedical Achievements

Elena G. Komissarova

Perm State National Research University

Perm, Russian Federation

Tyumen State University

Tyumen, Russian Federation

Abstract. The author refers to the initial political and legal entities on which the family law institution of the child's origin is based. Their actualization is important to reduce an unjustifiably high level of controversy between the doctrinal and legislative understanding of this institution, as well as to overcome theoretical inaccuracies that

© Комиссарова Е. Г., 2024

have accumulated in the doctrinal description of the problem of the child's origin. The author's approach to its scientific description is based solely on the family law grounds. The conclusions reflect scientific views of the author on the problem posed, and they are as follows. The legal meaning of the norms on the origin of the child clearly reflects the priorities of the blood-biological origin. Family law is not focused on classifying the origin into types. It can only provide for individual exceptions at the stage of recognizing a person as a parent. The opportunities of reproductive medicine alone are not capable of changing the legislative and doctrinal understanding of how the institution of the child's origin should be organized. Historically, it has clearly defined boundaries by law — from the act of procreation to the act of parental recognition by law. These boundaries define the meaning of the norms regulating the origin of the child under family law. At the proper level, they establish what the child's life depends on after his birth. Inconsistency of current family law discourses describing the procedures of technological conception with this maxim has given rise to unfounded conclusions that, depending on the circumstances of conception, the origin may be different. A theoretically organized and integral family law concept of the child's origin is able to resist these misconceptions.

Keywords: origin of the child; origin establishment; biological kinship by origin; cultural and political guidelines; technological conception; biomedicine and law; legal consequences of technological evolution; cultural and political guidelines; value beliefs; subject matter boundaries of the problem

Cite as: Komissarova EG. The Current Normative Model of the Child's Origin in the context of Biomedical Achievements. *Lex russica*. 2024;77(2):22-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.207.2.022-037

Введение

Семейно-правовой дискурс о происхождении ребенка, тронутый «заботливой рукой биотехнологий»¹, продолжает движение в сторону поиска ответов на вопросы о том, как совместить юридическую традиционность темы и ту биомедицинскую новизну, благодаря которой можно пойти дальше биологической судьбы и стать родителем за счет привлечения репродуктивных усилий третьих лиц. Российский законодатель свое нормативное решение сформировал однозначно. Демонстрируя приверженность традиционным ценностям биологического происхождения ребенка и тому, что за этим нормативно следует, он отразил вмешательство репродуктивной медицины аккуратно и точно (п. 4–6 ст. 51, п. 3 ст. 52 СК РФ).

С высоты доктринальных взглядов такая позиция оказалась небесспорной. Для одних авторов подобный подход стал «весьма удачным решением сложной с моральной точки зрения проблемы и одним из достижений нового Семейного кодекса РФ»². Для других, опирающихся на собственную концепцию

«человеколюбивого права», данное решение стало ошибкой³. Третьи посчитали, что приход технологических репродуктивных новшеств должен более масштабно отразиться на законодательном видении института происхождения ребенка⁴.

Последних — кто встал в оппозицию к семейному законодателю — оказалось явное большинство. Теоретическими усилиями этого большинства был создан, по сути, параллельный с законодательным дискурс о том, «как должно быть на самом деле». Конечный смысл этих дискурсов, составленных из фрагментов старого, нового и не всегда точного по смыслу зарубежного, замкнулся на том, что в зависимости от обстоятельств зачатия ребенка его юридическое происхождение может быть «разным» — генетическим, социальным, намеренным, конвенционным (согласованным или условным).

Так в семейно-правовую проблему происхождения ребенка вошло классификационное мышление, открыв со всей очевидностью тот факт, что как таковой методологически обустроенной и цельной концепции происхождения ребенка в науке семейного права не существует. А зна-

¹ Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London : Routledge, 1997. URL: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (дата обращения: 02.06.2023).

² Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юрист, 1996. С. 196.

³ Сухарева Е. Р. Проблемы правового регулирования происхождения ребенка в условиях применения репродуктивных технологий: реалии времени и христианские ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43. № 1. С. 157.

⁴ Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 17.

чит, нет и той теоретико-правовой платформы, которая не просто аккумулирует, но и актуализирует базовые идеи, семейно-правовые и культурные смыслы, а также политические послы, транслирующие ту законодательную логику, на которой устроены действующие нормы о происхождении ребенка. Эту функцию приняли на себя разрозненные клип-дискурсы оперативно-го порядка, в которых много «от биотехнологий» и совсем мало от права семейного.

Именуясь семейно-правовыми, такие дискурсы на самом деле не имеют как таковых признаков семейно-правового обрамления. Их смысловая и дисциплинарная принадлежность явно тяготеет к биомедицинским и медико-правовым предметностям. Фактическая же соотносимость этих предметностей с семейно-правовым дискурсом показывает, что внятных теоретико-методологических ориентиров они не имеют. Их место занято суждениями о безоговорочной открытости юристов новым биомедицинским потрясениям с одновременной «незамеченностью» антропологических, культурных и семейно-правовых традиций.

Подобная теоретическая логистика, обусловившая состояние напряженности между тем, что закреплено законодательно, и тем, что высказано в теоретико-правовых суждениях о происхождении ребенка, за последнее двадцатипятилетие стала научной нормой. Маршрут новых семейно-правовых суждений оказался проложенным «поверх» всего того, что направляет современного законодателя. Этот отрыв принес проблеме происхождения ребенка заметные черты примитивизации. Из нее ушла теоретико-правовая, культурная и политическая аргументация. Дискурсивное пространство оказалось заполненным описанием казуальной биомедицинской реальности и мизераблистическими сентенциями (франц. — жалость, сочувствие), отсылающими к рискам и потерям, которые несут обнадеженные участники технологических родительских проектов. Научно-популярный

стиль и стихийная логика суждений, уходящая в безбрежную медицинскую фактологию, обусловили то положение, при котором предметом исследований стали не столько семейно-правовые отношения по происхождению ребенка, сколько сфера медицинской деятельности и медицинское законодательство как таковое.

В стремлении скорректировать это научное положение, вернуть проблеме происхождения ребенка ее семейно-правовую принадлежность и открыть перспективы ее последующего научного развития, автор обращается к настоящей статье. Ее цель — подчинить автономные клип-дискурсы о происхождении ребенка теоретическому концепту «происхождение ребенка по закону». Структура статьи соответствует этому замыслу.

Институт происхождения ребенка в политико-правовом видении

Противостоять биомедицинским квестам, захватившим семейно-правовую проблему происхождения ребенка, непросто. Их численность, поддерживаемая новыми авторами, вступающими на стезю биотехнологического прозрения и медико-нормативного самоузнавания, пока продолжает расти. Но процесс формирования научной оппозиции тому, что именуется медикализацией в гуманитарных науках⁵, постепенно набирает обороты. Лакмусы этого процесса становятся более заметными. Более теоретически активными становятся суждения о биоэтическом феномене, которые уже не напоминают те робкие рекомендации, что были высказаны в самых первых научных отчетах⁶ и теоретических комментариях⁷ конца XX в. Динамично развивающееся биоэтическое мышление всё больше несет знания о том, что уникальность решения на уровне технологической генетизации для права может оказаться трудноразрешимой проблемой. Свою роль играет и нарастающее понимание того, что

⁵ Как утверждают социологи, медикализация — это процесс, при котором жизненно важные проблемы человека преобразуются в проблемы медицинской направленности и описываются исключительно в медицинских терминах. Понятие было разработано в 60–70-х гг. XX в. в критических дискурсах, направленных против предполагаемых угроз расширения медицинского вмешательства в жизнь человека. См. об этом: Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; НИУ «Высшая школа экономики». 3-е изд. М., 2021. С. 246–247.

⁶ Warnock M. A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York : Basil Blackwell, 1985. URL: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (дата обращения: 07.12.2023).

⁷ Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York : Oxford University Press, 1986. URL: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (дата обращения: 07.12.2023).

пришло время проводить различия между тем, что указывает на эволюцию биомедицины и биотехнологий как наук, и тем, какие вопросы эта эволюция знаний ставит перед другими науками.

На этом фоне юристы стали чаще рассуждать о необходимости искать и находить компромиссы между благами биомедицинского прогресса и устоявшимися правовыми традициями. Как заметила О. А. Серова, «юридические исследования по определению надлежащих положений законодательства [имеющего связь с биомедициной] не должны осуществляться в отрыве от изучения социальной, политической и экономической среды, которая оказывает непосредственное влияние на изучаемые общественные отношения... право должно остаться не только регуляторным механизмом, но и системой ценностных ориентиров»⁸. Этот теоретико-правовой посыл требует доктринального подкрепления во благо его развития.

Поскольку применительно к семейно-правовой проблеме происхождения ребенка он относится к недостаточно проясненным, автор намерен его актуализировать.

Научное описание указанной проблемы с необходимостью предполагает структурированность и акцентуализацию. Ценность такой методологии в равной мере предрешена как тезисом о том, что происхождение ребенка — это прежде всего культурная и политическая конструкция, так и тезисом о тесной связи института происхождения с другими институтами (гетеросексуальный брак, семья, родительство, семейное воспитание), указывающей на то, что политический и семейный порядок взаимно поддерживают и укрепляют друг друга. Эта многосоставная системообразующая связь, устроенная на последовательном соотношении разных институтов, нередко оказывается вне сферы научного внимания тех авторов, которые в ущерб аргументации юридической отдают предпочтение аргументации биомедицинской.

Несмотря на то что транзитные социологические суждения о «реконфигурации семейно-

родственных связей», «перезагрузке семьи» и неуклонном снижении брачного авторитета звучат в науке семейного права всё чаще, оснований считать пережитком прошлого нормативную модель кровнобиологического происхождения ребенка нет. Институт происхождения ребенка был и остается устроенным на брачной модели воспроизведения потомства, отцовских презумпциях, ориентированных не только на поиск биологического компонента, но и на его умышленное привнесение в том случае, если установлено юридическое намерение неженатого отца «считать ребенка своим».

Однако с приходом репродуктивной биомедицины оказалось, что эту традиционность проще игнорировать и даже оспорить под предлогом неактуальности биологического происхождения, которое плохо коррелирует с «действующей концепцией родства... где фактически сформулирован новый принцип, согласно которому в ряде случаев формальный элемент должен стоять выше биологического»⁹. Это направление движения юридической мысли, нашедшей опору в медико-социологической конструкции с «ангельским и одновременно опасным именем “родительский проект”»¹⁰, обычно привлекаемой для юридического описания стороннего донорства и суррогатного материнства, имеет мало юридических перспектив. Обращение научного внимания к культурным и политическим контекстам позволяет понять, почему это именно так.

Имея принадлежность к приватной сфере человеческого бытия и расположение в анналах частного права, институт происхождения ребенка и тесно связанные с ним институты во всех европейских законодательствах не принадлежат к политически нейтральным. Затрагивая фундаментальные вопросы человеческого бытия, такие «институты “капля за каплей” обеспечивают государству тот его моральный потенциал, который необходим ему для управленческой работы в глобальных масштабах»¹¹. Поэтому нет преувеличения в тезисе о том, что

⁸ Серова О. А. Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 54–55.

⁹ Лебедева О. Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.

¹⁰ Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès // Pouvoirs. Bioéthique. 1991. № 56. P. 104. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (дата обращения: 07.12.2023).

¹¹ Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press, 1962. P. 15. URL: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (дата обращения: 07.12.2023).

проблема происхождения ребенка естественным образом перекликается с политическими стратегиями государства. Это одна из тех проблем, которые «находятся в системе жизнедеятельности общества в целом и базово ее обеспечивают»¹². Наряду с идеей гетеросексуального брака, равенством полов и бинарным родительством, они отражают семейно-правовой порядок, который государство видит наиболее приемлемым и перспективным.

Симбиотическая связь названных институтов, когда одно определяет другое, указывая на публичные идеалы общественного устройства¹³, позволяет рассуждать о политической высокопоставленности проблемы происхождения ребенка¹⁴. Данный маркер не простая формальность. Он однозначно указывает на то, что исследование, описание и научное объясне-

ние этой проблемы не предполагает простого следования разрозненным медико-биологическим и биомедицинским фактам. В объективном видении вопрос о происхождении ребенка представляет собой совокупность ценностных убеждений¹⁵, политических принципов¹⁶ и решений¹⁷, согласованных с биоэтическими стандартами, выраженную в действующих нормативных решениях (гл. 10 СК РФ).

Так опосредуется публичный интерес к ребенку после факта его рождения в виде «обеспечения его родительским попечением, то есть заботой, содержанием, воспитанием и защитой со стороны конкретных лиц»¹⁸. Но не только это. В условиях, когда смысловое пространство юридической проблемы происхождения ребенка стало бесконтрольно расширяться за счет описания ресурсов репродуктивных био-

¹² Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 37. 33–52.

¹³ В свое время идея о том, что добродетели государства обеспечиваются добродетелями частными, вдохновила составителей Гражданского кодекса Франции 1804 г. на создание отдельных норм о происхождении ребенка. Как указывают европейские историки, именно семья и ее «дух», направленный на солидарность и рождение детей, основывают и поддерживают «дух города». См. об этом: Barret-Kriegel B. *Sphère privée, citoyenneté, démocratie* // Théry I., Biet C. (textes réunis et présentés par) *La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil*. Paris : Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou, 1989. P. 147–146. URL: <https://archive.org/details/lafamillelaloile0000cent/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 07.12.2023).

¹⁴ Так, пункт 4 ст. 67.1 Конституции РФ гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Пункт «ж.1» ст. 72: защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Согласно пп. «в» п. 1 ст. 114 государство гарантирует сохранение традиционных семейных ценностей.

¹⁵ Как отмечено в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, к традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению (Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2023)).

¹⁶ Путин: пока я президент, у нас не будет «родителя № 1 и № 2», будут папа и мама // Коммерсант. 2020. 13 февр.

¹⁷ В этой связи следует заметить, что биомедицинские репродуктивные исследования вошли в медицину как часть формирования демографической политики. См.: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

¹⁸ Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 22.

технологий, печать публичности темы помогает понять, что сам по себе биомедицинский прогресс не выполняет роль той кнопки, которая в режиме автоматического нажатия включает нормативные преобразования.

Признать обратное за счет причисления ценностей биологического происхождения к устаревшим означает не что иное, как движение по пути «аргументов наклонной плоскости» (логическая ошибка, заблуждение)¹⁹. Так на языке моральной философии обозначен теоретический прием, указывающий на шаги в сторону от того, что традиционно рассматривается как безусловная ценность, фундаментальный стержень, на котором основана система убеждений, взглядов и нормативных установлений²⁰. Таких безоглядных теоретических шагов, идущих мимо факта высокопоставленности семейно-правовой проблемы происхождения ребенка, в науке семейного права сделано немало. Вольно или невольно они искажают исторически преемственное, культурное и политическое видение норм и принципов, предпринимавших наполнение и систематику семейно-правовых норм, регулирующих отношения по происхождению ребенка.

Проблема происхождения ребенка в аспекте идентификационных характеристик предмета науки семейного права

Как утверждают философы, контекстуальные объяснения, будь они культурные или политические, — это всего лишь «краткий ход», заполняющий смысловые лакуны, который останавливает описание, ничего не добавляя к имеющемуся знанию²¹. Имея цель привести необходимые дополнения в уже известное семейно-правовое знание о происхождении ребенка и тем самым

предпринять научную попытку его упорядочить и задать ему научные перспективы, автор обращается к неписаному академическому правилу. Оно гласит, что если серьезная научная проблема потеряла в теоретических перипетиях свои научные перспективы, а ее представители удовлетворены несовершенными решениями, то проблеме следует решать заново.

Семейно-правовая проблема происхождения ребенка, если не подменять ее проблемой *установления* происхождения ребенка, из разряда таких. При всей ее высокопоставленности, на которую автор уже обратил внимание, ей остро недостает целостного и объективного научного описания. Поэтому начинать необходимо сначала.

В своем непререкаемом и заданном значении термин «происхождение» пришел из греческой терминологии, указывая на происхождение как на узы, связывающие родившегося и рожденного. История не стерла с этого термина его классический смысл. Пребывая в разряде специального родственного, он по-прежнему говорит о родстве восходящем, которое приобретает *по рождению* и указывает на то, что ребенок носит статус потомка, представляя будущее тех, кто его породил.

Вопрос о том, что порожденный ребенок «требует признания» в смысле достижения светской, а не только религиозной определенности в том, к кому он будет законно приписан, в Российской империи был впервые поставлен в конце XVIII в.²² Но попытка «сотворить» государевы правила о признании родившегося не состоялась. Для абсолютного большинства населения такие правила значили намного меньше, чем религия, согласно которой признавалось только законное рождение, которое исходит «от брака», и устои патриархальной крестьянской общины.

¹⁹ Аргумент «наклонной плоскости» появился в 80-х гг. XX в. в англоязычной литературе, исследующей биоэтические проблемы современной медицины. См. об этом: *Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. P. 216.*

²⁰ Суть этого приема в рискованности, ведущей к неизбежному «подскальзыванию», которое повлечет за собой негативные, губительные следствия. См.: *Бартко А. Н., Михайловска-Карлова Е. П. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М. : ММСИ, 1999. С. 168 ; Киселев В. А., Смирнова Т. В. «Наклонная плоскость» и биоэтика: от логики к антропологии // Ценности и смыслы. 2021. № 4 (74). С. 18.*

²¹ *Пантыкина М. И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 46.*

²² Начертания о приведении к окончанию проекта нового Уложения от 07.04.1768 // Законодательство императора Петра III : 1761–1762. Законодательство императрицы Екатерины II : 1761–1782 годы / сост. и автор вступ. ст. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2011. XXXII.

Быстрее других европейских стран этот вопрос был решен французским законодателем, перенесшим из закона о престолонаследии среди государей нормы, указывающие на необходимость государственного установления происхождения для всех физических лиц. Эти нормы вошли во Французский гражданский кодекс 1804 г., став тем самым нормами частного порядка, которые получили заметное юридическое значение в том числе и потому, что имели выход в сферу права публичного. По нормам последнего следовало устанавливать законность рождения и отражать эти факты в государственных актах гражданского состояния всех родившихся лиц.

Научная способность к описанию того, что нормы о происхождении фиксируют последствия человеческого воспроизводства по законам биологии, появилась позднее — в конце XIX в. Это было время, когда классическая антропология предметно озаботилась не только фактами, но и знаниями о природном происхождении ребенка. Появление этих знаний стало показателем морального, политического, культурного и социального движения в сторону прогресса и цивилизации. Как отметили уже современные антропологи, с позиции эволюционного подхода разница между варварством и цивилизацией наиболее точно фиксируется именно в способности науки описать природное происхождение ребенка, это свидетельство триумфа интеллекта и рассудка над инстинктами, животностью и дикостью²³.

В российское семейное законодательство практика нормативного регулирования отношений по происхождению ребенка пришла после революции одновременно с отменой древнего различия между законным (благочестивым) и естественным (позорным) происхождением в 1918 г. Ценой невероятных потрясений и за счет вынужденного «ослабления цепей брака» (И. В. Славин, 1922) были определены границы действия норм о происхождении ребенка — от факта действительного происхождения до государственной регистрации установленного происхождения (ст. 18, 133 КоАБСО РСФСР 1918 г.). В этих границах впоследствии и происходили последующие уточняющие изменения — указание на действительное происхождение было заменено на происхождение кровное (ст. 25

КоБСО РСФСР 1926 г.), на смену правилу нескольких отцов (ст. 144 КоАБСО РСФСР 1918 г.) пришло правило единственного отца (ст. 32 КоБСО РСФСР 1926 г.). Одновременно с этим неспешно эволюционировали презумпции отцовства. По примеру других стран они помогали устроить биологическое отцовство «вымышленным образом во благо социального порядка»²⁴.

К моменту принятия КоБС РСФСР 1969 г. институт происхождения ребенка уже был представлен в трехмерном формате, все части которого тесно взаимосвязаны: факт деторождения — идентификация родителей по закону — наделение родителей правами и обязанностями по итогам государственной регистрации. Это нашло свое выражение в ст. 47 КоБС РСФСР 1969 г., согласно которой «взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». В нормах действующего СК РФ эта норма осталась без какого-либо изменения (ст. 47). Лишним оказался только термин «взаимные».

На протяжении следующих трех десятилетий нормы о происхождении ребенка представляли собой законодательно и научно стабильный институт. Необходимые презумпции и фикции, направляющие порядок родительского признания, постепенно устоялись и обрели относительную теоретическую бесспорность. Опекающая этот институт социалистическая мораль, гласно и негласно напоминая о том, что семья — это ячейка общества и обществу небезразлично, как эта ячейка создается, воспроизводит себя и воспитывает рожденных в ней детей, поддерживала унитарность взглядов на происхождение ребенка.

Вопросами о том, что следует из биологической судьбы, дано природой и физиологически происходит по законам природы, представители советской науки семейного права не задавались. Это и так явно следовало из данных биологической и антропологической наук, ставших во второй половине XX в. ведущими научными дисциплинами и однозначно указывающими на то, что категории родства берут свое начало непосредственно из кровных уз и это вопрос не только научных данных, но и здравого смысла²⁵. Исходя из этого меди-

²³ Franklin S. Op. cit. P. 25.

²⁴ Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob, 2010. P. 15.

²⁵ В конце XX в. антропологи англоязычного мира описали такое принятие проблемы, как эффект буквализации, когда ее координаты или точки отсчета берутся от того, что считается само собой разумею-

ко-биологические предпосылки деторождения признавались само собой разумеющимся предпосланием праву. Это исключало риски выхода за пределы семейно-правовых границ проблемы происхождения ребенка, давая правоведам все основания принимать категорию «происхождение ребенка» как неприкасаемую и самоочевидную, однозначно указывающую на то, что происхождение у всех физических лиц одно — кровнобиологическое (природное, физиологическое, плотское, органическое).

Участие законодателя, которому была неведома проблема расщепления отцовства и материнства на биологическое и генетическое, ограничивалось предписанием критериев установления родства «по происхождению» с учетом явности материнского происхождения, презумпции брака и отцовских презумпций. Соответствующим был и категориальный набор, коррелирующий с идеями о семье как ячейке общества и кровнородственном восходящем происхождении ее новых членов, связанных неразрывной и безотзывной родственной связью. Предметный терминологический ряд включал такие однозначные термины, как рождение, ребенок, родители, брак и следующие из него презумпции, материнское происхождение, отцовское происхождение и его презумпции, совместное заявление о добровольном признании отцовства, судебное установление отцовства, запись родителей в книге записей рождения (ст. 47–51 КоБС РСФСР 1969 г.).

Другие категории темы происхождения ребенка, такие как социальное родство, гражданское или приемное родительство (при усыновлении), в теории советского семейного права определялись весьма ограниченно, никак не влияя на оценку порядка, заданного законодательно, и характер семейно-теоретических повествований о происхождении ребенка. Перерождение классической антропологии в антропологию культурную или социальную было еще только впереди. Начавшись в конце XX в., когда стала господствовать двойственная модель родства, разделяющая его социальные и природные элементы, разность, пришедшая в антропологическую интерпретацию родства, не успела тронуть взгляды представителей советской науки семейного права.

Начало XXI в. ознаменовалось тем, что вопрос о происхождении ребенка в науке семейного права перестал быть только вопросом здравого смысла и само собой разумеющегося последовательного бытия классической антропологии, биологии и медицины. Под влиянием биомедицинского бума произошло смешение техно-научных и естественно-биологических представлений о происхождении ребенка. Его итогом стал отказ принимать происхождение ребенка как явление биологическое. В разноотраслевых дискурсах оно стало именоваться «технологизированным, генетизированным, инструментализированным, коммерциализированным, информатизированным»²⁶. Историческое противопоставление гуманитарных наук и природы ушло в прошлое, семейное право осталось один на один с технологическими явлениями, которые прежде для него состояли в разряде антиподов.

Момент смешения совпал с появлением новаторских идей об автономии семьи и отказа жить по семейным стандартам, навязанным обществом. Дискурсы о ценности брачной семьи и ее роли в создании новых поколений, питавших тему происхождения ребенка в советском праве, постепенно иссякли. На смену им пришли неконкретизированные рассуждения о семейных ценностях. Частота этих дискурсов мало отпечаталась на теме происхождения ребенка. К тому моменту, когда традиционные юридические представления, ее направляющие, стали менять свой теоретический курс с биологического на генетический, в копилке наиболее часто обсуждаемых семейных ценностей (брак, семья, семейное воспитание) не нашлось аргументов, которые бы поддержали приоритеты биологического происхождения и не допустили его научного перевода на уровень второзначимого.

Одновременно с этими эффектами обнаружилась и теоретическая неспособность актуализировать те основополагающие идеи, которые исторически лежат в основе обустройства действующих норм о происхождении ребенка. Политические и культурные максимы, которые бы сдерживали, по сути, безоглядный уход в представления о технологизации и генетизации происхождения ребенка, не были своевременно подняты на необходимую доктринальную

щимся. См.: *Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century*. Cambridge University Press, 1992. URL: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (дата обращения: 07.12.2023).

²⁶ *Franklin S. Op. cit.* P. 124.

высоту. Предостерегающее суждение ранних антропологов о том, что «физиологическим фактам нет места в юриспруденции... а родство по происхождению должно рассматриваться и пониматься в связи с общим культурным контекстом»²⁷, потеряли свою актуальность. Теоретический путь к противопоставлению биологического происхождения ребенка генетическому, намеренному, конвенционному оказался открытым.

Стандартные юридические правила о происхождении ребенка, устроенные на приоритете естественного биологического происхождения, стали переопределяться по усмотрению конкретного автора. Таким дискретным исследованиям, объединенным целью как можно подробнее описать медико-технологическую фактологию процесса зачатия и тем самым выйти за семейно-правовой горизонт, несть числа. Одни авторы безоглядно погрузились в пересказ биомедицинских новшеств, «не замечая» известного научного и нормативного знания о происхождении ребенка. Другие стали рассуждать о конкуренции биологического и генетического в происхождении ребенка²⁸. Третьи, вслед за либерально настроенными зарубежными авторами, нацеленными на отрицание существующих ценностей, идей и накопленных знаний по проблеме, стали рассуждать о происхождении ребенка в классификационных терминах²⁹.

Самобытность всех этих подходов, не имеющих логической опоры в концептуальных знаниях о происхождении ребенка, привела к вполне предсказуемым последствиям. Сопоставление полученных знаний с нормами действующего семейного законодательства о происхождении ребенка обнаружило их масштабный разрыв. Виновником разрыва был назначен законодатель. Он, согласно убеждению многих авторов, «по множеству вопросов, возникающих в связи с применением вспомогательной репродукции, до сих пор не выработал

четкой и единой позиции»³⁰. Аналитика подобных весьма многочисленных укоров на самом деле обнаруживает намного больше смыслов, указывающих на то, что законодатель использует неподходящие (устаревшие) регулятивные средства, не успевает за прогрессом медицины, не соответствует «ожиданиям тех, кто верит в прогресс биомедицины и искренне стремится стать родителем».

Разрозненные семейно-правовые суждения о том, чего нет в нормах действующего семейного законодательства о происхождении ребенка, но быть непременно должно, снизили градус актуальности семейно-правового знания о биологическом происхождении ребенка. О нем стали вспоминать лишь тогда «когда надо прибегнуть к противопоставлению биологического и генетического»³¹.

Главный же *теоретический* исход изменившихся семейно-правовых представлений о происхождении ребенка выразился в том, что эта юридическая проблема, по сути, лишилась собственного предметного языка (1) и утратила заданные ей историческим и современным законодателем границы — от факта происхождения ребенка до юридической идентификации лиц, от которых он произошел (2). На фоне этих весьма существенных доктринальных потерь семейно-правовая концепция происхождения ребенка стала «сама себя изобретать».

Теоретический формат этого «изобретения» получился размытым. В нем оказалось много от либерального подхода, когда в угоду новому следует отказаться от традиционного и известного знания. Есть и приметы сциентизма, повлиявшего на мировоззренческую позицию немалого числа юридических взглядов на проблему происхождения ребенка, когда «биотехнологии оказываются представленными в качестве универсального инструмента решения не только терапевтических, но и социаль-

²⁷ Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study : Monograph. Londres : London University Press, 1913. URL: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (дата обращения: 07.12.2023).

²⁸ Бурмистрова Е. В. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 4.

²⁹ Лебедева О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству Российской Федерации и иностранных государств // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 98 ; Краснова Т. В. Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 184.

³⁰ Носкова М. С. Проблема легализации метода митохондриальной замены и процедуры установления происхождения детей, рожденных от трех родителей // President Law Journal. 2020. № 2. С. 38.

³¹ Бурмистрова Е. В. Указ. соч. С. 4.

ных проблем»³². Свою лепту внесла и приоритетная сосредоточенность представителей науки семейного права на биомедицинских аргументах с их эмпирическим потенциалом. Этот мировоззренческий и последовавший за ним терминологический переворот в освоении семейно-правовой проблемы происхождения ребенка привнес в ее освоение совсем другую логику. Ту, которая идет вразрез с признанным законом и наглядно структурированным фактом, что область биологического происхождения была и остается основополагающей (ст. 48–53 СК РФ), показывая, что в интересах ребенка происхождение должно быть как можно ближе к природе.

Такая логика, устроенная на «утилитарно понимаемых интересах, которые способствуют нигилистическому отношению к праву и законодательству»³³, оказалась удобной для текущего семейно-правового мышления. Медицинское воображение как итог самоузнавания медицинского права, сенсационная биомедицинская риторика и нетрадиционные, в смысле их правовой встроенности, выводы стали теоретически комфортным занятием. Место важных теоретических обобщений, в рамках которых семейно-правовые следствия выведены из известных теоретико-правовых, а не медико-фактологических посылок и способны стать универсальным знанием для последующих юридических умозаключений по проблеме, оказалось занято другим.

Столь эмпирическая субъективность восприятия проблемы происхождения ребенка привела к тому, что семейно-правовая идентичность этой проблемы, по сути, потеряла свой предметный облик. Научный беспорядок, последовавший за теоретическим повреждением предметных границ темы, не заставил себя ждать. Семейно-правовой дискурс о происхождении ребенка замкнулся на двух составляющих — редких, но весьма категоричных суждениях о несовершенстве брачной и отцовских презумпций. При всей критичности этого направления семейно-правовой мысли, оно, по сути, оказалось той единственной ниточкой, которая продолжает связывать классические

и новые знания о происхождении ребенка. Вторая составляющая — более масштабная и теоретически агрессивная, основанная на примате биомедицинских технологий, где медицинские факты «говорят сами за себя», чаще всего не требуя ни семейно-правовой рефлексии, ни вообще какой-либо юридической аргументации.

Сколько-нибудь заметных попыток вернуть семейно-правовой проблеме происхождения ребенка ее исконные границы, где известной точкой отсчета является такое репродуктивное событие, как рождение ребенка, пока нет, как и стремления прибегнуть к научному синтезу тех разнопредметных знаний, которые эту проблему окружают. Итог такого положения нашел свое выражение в утрате научной чувствительности к ценности тех смыслов, которые определяют устройство действующего института происхождения ребенка и его систематику. Как следствие, непрочитанными оказались и те компромиссы, на которые пошел семейный законодатель, выбирая между постулатами биологического происхождения, благами биомедицинского прогресса и биоэтическими принципами.

По счастью, не все авторы потеряли ощущение предметной принадлежности проблемы происхождения ребенка. Не самые частые суждения о том, что пришло время «законодательно определить такое важное понятие, как происхождение ребенка»³⁴, всё же высказываются. Столь же редки и попытки обсудить проблему происхождения в ракурсе «уважительного отношения к биологическому происхождению».

Последняя предпринята Т. В. Красновой в рамках классификационного видения института происхождения ребенка. Желая избежать «биологической амнезии», автор предложил закрепить «в качестве основного принципа применения вспомогательных репродуктивных технологий приоритет естественного зачатия и вторичность применения ВРТ»³⁵. Индуктивный масштаб этого суждения и несвобода от эффекта медикализации не позволили автору увидеть, что сравнению подлежит то, что на са-

³² *Белялетдинов Р. Р.* Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. М. : 4 Принт, 2019. С. 8.

³³ *Серова О. А.* Указ. соч. С. 56.

³⁴ *Кириченко К. А.* Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2007. Т. 3. № 2. С. 21.

³⁵ *Краснова Т. В.* Указ. соч. С. 180.

мом деле в рамках описания проблемы происхождения ребенка является несопоставимым — технология зачатия (терапевтический акт) и отношения по происхождению (юридическая и теоретическая конструкция). Эта неточность привела автора к созданию новой конструкции, поименованной как конвенционное происхождение или условное. Как соотносить эту альтернативу с биологическим происхождением, автор умолчал.

Теоретическая мысль о том, что (технологическое) зачатие и проблема происхождения ребенка — это не одно и то же, пока не может быть причислена к разряду научно обжитых, но, как представляется автору, ее следует развивать, аргументировать и уточнять. Идя по этому научному пути, выскажем методологически значимый тезис о том, что в таком предметном вопросе, как происхождение ребенка, семейное право интересуется в первую очередь не то, что происходило до рождения ребенка, а то, от чего зависит жизнь *родившегося* ребенка. Правовая логика здесь бесспорна — родителя, который эту жизнь сбережет, делает родителем родившийся ребенок, а не особенности процедур его зачатия и соглашения, при этом заключаемые.

Научная методология в дискурсе о происхождении ребенка как компромисс теоретическим неточностям

Про необходимость расширения философского и социокультурного контекстов современного правоведения, требующего от юристов самоопределения в рамках методологии юриспруденции³⁶, сказано уже не раз. Семейно-правовой проблеме происхождения ребенка такого самоопределения пока недостает. В этом видится причина того, что ее науковедческий статус можно охарактеризовать и как дисциплинарно переполненный, и одновременно как дисциплинарно неполный.

Первое состояние вызвано чрезмерной открытостью представителей науки семейного права к биомедицинскому дискурсу. Итоги этих преувеличений обернулись избыточностью околотематического материала при описании семейно-правового происхождения ребенка. Забыв академический тезис о том, что для научного описания проблемы знание, которого нет

на странице, бывает столь же важно, как и то, что там есть, семейноведы погрузились в описание видов репродуктивных тканей и самих технологий медицинского вмешательства в процесс зачатия. Теоретические заблуждения не заставили себя ждать.

Если говорить о предметной неполноте дискурса о происхождении ребенка, то она столь же очевидна. Начало этой очевидности лежит в отсутствии цельной и полноразмерной концепции происхождения ребенка в науке семейного права. Этот знаниевый недостаток обычно компенсируется копированием медико-социальных фактов, описанием медицинских манипуляций с вкраплением философских категорий «вера» (в силу научно-технологического прогресса), «надежда» (стать родителем) и схематической конструкцией не семейно-правовой принадлежности «родительский проект».

Как заметил И. В. ф. Гете, ошибки мышления признавать труднее, чем ошибки поведения. Мудрость приведенного высказывания в том, что ошибки мышления всё же преодолимы. Для начала их важно осознать и понять пути преодоления. Поэтому кратко, но «поименно» обозначим те неточности, заблуждения и упрощения, которые замкнули семейно-правовую проблему происхождения ребенка на технологических и генетических позициях, лишив ее прошлого при полной неизвестности будущего.

Влияние биомедицинских достижений на семейно-правовой институт происхождения ребенка неизбежно. Но эта аксиома будет верной лишь в том случае, если носители семейно-правового мышления примут за истину тот факт, что вопрос о таком влиянии дихотомичен и состоит из двух отдельных областей рассуждений. Одна область, имея тесную связь с практикой оказания репродуктивной помощи тем, кто признан в ней нуждающимся, характеризуется как терапевтически направленная. На уровне комментариев медицинского законодательства эта практика описана профессионалами в области медицины и медицинского права и доступна всем, кто этим знанием, в том числе в режиме самообразования, интересуется. Для семейно-правового мышления такое знание выполняет роль вспомогательного, а потому далеко не всегда требует неизбежного воспроизведения. Такое знание вспомогательного характера есть в любой научной дисциплине

³⁶ Тарасов Н. Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 5.

и в ярких философских метафорах оно давно описано в литературе³⁷.

Вторая область рассуждений о репродуктивном прогрессе для науки семейного права имеет значение с позиций ее предметной заданности. Одной из локальных задач этой науки является объективная оценка, по итогам которой ее представители сформулируют суждения о том, как выглядит семейно-правовой взгляд на последствия применения этих новых технологий. Речь идет именно о семейно-правовых последствиях, а не об описании технологий зачатия и рассуждениях об эмбрионах, их потенциальной жизнеспособности, излишках и процедурах криоконсервации. Как известно, процедуры зачатия, вне зависимости от того, физиологические они или технологические, как и эмбриональная жизнь, никогда не влекли семейного законодателя. Исторически он в этих вопросах старался держаться на расстоянии от философских и религиозных взглядов. И если эти знания и имеют какое-то отношение к законодательству о происхождении ребенка, то лишь в ее самой незначительной части³⁸.

Прямых или косвенных утверждений о том, что действующие нормы о происхождении ребенка «не отвечают новому технологическому времени», высказано немало. Нетрудно заметить, что главный смысл упречности в том и состоит, что законодатель избегает прямого отражения последствий технологического зачатия в нормах о происхождении ребенка. Между тем постановка любого семейно-правового вопроса о «несовершенстве действующих норм о происхождении ребенка» должна быть уравновешена вопросом о том, что можно и нужно изменить в существующей нормативной модели кровнобиологического происхождения ребенка. Ведь она действует, и параллельно идущие с ней многочисленные дискурсы пока не смогли повлиять на законодательный курс. Но таких семейно-правовых суждений, которые, имея соответствующее юридическое подкрепление, могли бы указать на те пункты из норма-

тивно должного, которые устарели, являются пробельными или могут быть признаны необоснованными случаями умышленного законодательного умолчания, нет.

Коль скоро действующая нормативная концепция биологического происхождения ребенка не оспорена, хранит свою правовую жизнеспособность и качество универсальности, значит, ее надлежит учитывать в текущих дискурсах о происхождении ребенка, тщательно считывая то, что ее направляет. В этом считывании должны быть замечены как уже состоявшиеся законодательные компромиссы, так и квалифицированное молчание законодателя, императивные запреты, необходимые ограничения и исключения. Эти научные приемы тоже часть правового регулирования, а потому не являются случайными, законодатель прибегает к ним осознанно.

Так, прием законодательного умолчания присутствует в юридически организованном отказе донора гамет от притязания на родительство. Смысл этого отказа в юридическом приравнивании фактического генетического происхождения к биологическому. Поэтому вслед за медицинским законодательством, где размещены исходные нормы об анонимности постороннего донорства тканей, семейный законодатель исключает фигуру донора из нормативных построений. Случаем законодательного компромисса в виде исключения из общих правил о биологическом происхождении ребенка является правило п. 4 ст. 51 СК РФ, согласно которому приоритет рожавшей матери на родительское признание может быть отменен ее согласием на запись родителями лиц, давших свое согласие на имплантацию эмбриона (п. 4 ст. 51 СК РФ).

Не менее важное методологическое замечание связано с необходимостью блюсти семейно-правовые границы проблемы происхождения ребенка. Нормы, регулирующие порядок установления связи родившегося и рожденного, объединены специальным системообра-

³⁷ Всё то предзнание, которое сопровождает становление научного результата и после отбрасывается на его зрелой стадии, в философии науки получило название строительных лесов. «Строительные леса» — это не есть сама теория, они существенно отличаются от теоретических положений и вместе с тем являются аргументами, неизбежными при становлении и развитии теории. См.: Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 365.

³⁸ Об этом еще в начале XX в. рассуждал польский этнограф Б. Малиновский, утверждая, что убеждения о зачатии и убеждения о происхождении — это не одно и то же, значимость убеждений о зачатии — это удел социологов (*Malinowski B. Op. cit.*).

зующим термином «происхождение». В группе родственных терминов он является термином локального значения, придающим ограниченной группе семейно-правовых норм собственный юридический смысл. Этот самый смысл берет свое начало от родившегося ребенка, для выживания которого, защиты его интересов и благополучия законодатель определяет будущее поведение родителей, наделяя их по закону исключительными родительскими правами.

Заключение

Возможности биомедицинской реконструкции репродуктивных возможностей человека, вошедшие в терапевтическую практику медицины, существенно повлияли на юридические представления о происхождении ребенка. Но это совсем не значит, что технологический переворот в репродукции предполагает нормативный отказ от биологического происхождения

или с необходимостью влечет за собой указание на разные виды происхождения.

Для того чтобы признать, что разные способы технологического зачатия не отменяют аксиомы о том, что происхождение по закону у всех одно — биологическое, надлежит создать дополнительный слой знаний. Тот слой, который позволит объективно описать и вписать новые обстоятельства репродуктивного процесса в известную и не утратившую своей актуальности нормативную концепцию биологического происхождения ребенка, не искажая при этом ее культурных и политических концептов.

Недостаток такого семейно-правового знания рождает ложное представление о том, что действующие нормы о происхождении ребенка имеют пробелы, преодолением которых законодатель не занимается. Настоящая статья — один из кирпичиков, которые закладывают этот дополнительный слой не просто знания о том, что сегодня есть нового в репродуктивном поведении, а знания семейно-правового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юристъ, 1996. 366 с.
- Бартко А. Н., Михайловска-Карлова Е. П. Принципы и основные проблемы биомедицинской этики. М. : ММСИ, 1999. 275 с.
- Белова Д. А. Согласие на применение метода искусственной репродукции и его правовое значение для установления происхождения ребенка // Lex russica. 2020. Т. 73. № 8. С. 21–31.
- Беляетдинов Р. Р. Риски современных биотехнологий: социогуманитарный анализ : монография. М. : 4 Принт, 2019. 212 с.
- Бурмистрова Е. В. Установление происхождения детей при применении искусственных методов репродукции человека // Семейное и жилищное право. 2013. № 2. С. 4–6.
- Гидденс Э., Саттон Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 3-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с.
- Законодательство императора Петра III : 1761–1762. Законодательство императрицы Екатерины II : 1761–1782 годы / сост. и автор вступ. статей В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 2011. XXXII, 336 с.
- Кириченко К. А. Эволюция доктринальных подходов к институту родства в отечественном семейном праве // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2007. Т. 3. № 2. С. 18–27.
- Киселев В. А., Смирнова Т. В. «Наклонная плоскость» и биоэтика: от логики к антропологии // Ценности и смыслы. 2021. № 4 (74). С. 15–27.
- Краснова Т. В. Биоэтические предпосылки гражданско-правового положения реципиента в программе донорства ооцитов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 177–192.
- Лебедева О. Ю. Установление происхождения детей по законодательству Российской Федерации и иностранных государств // Lex russica (Русский закон). 2015. Т. 98. № 1. С. 96–103.
- Лебедева О. Ю. Юридическая категория «родство» в современном семейном праве // Семейное и жилищное право. 2013. № 3. С. 21–24.
- Михайлова И. А. Законодательство, регламентирующее установление происхождения детей, нуждается в корректировке // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2. С. 17–20.
- Носкова М. С. Проблема легализации метода митохондриальной замены и процедуры установления происхождения детей, рожденных от трех родителей // President Law Journal. 2020. № 2. С. 37–43.

Пантыкина М. И. О том, как написать научный текст: рекомендации Бруно Латура // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 41–47.

Серова О. А. Новая парадигма юридической и этической ответственности в условиях доминирования биотехнологий // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2022. № 4. С. 48–64.

Сухарева Е. Р. Проблемы правового регулирования происхождения ребенка в условиях применения репродуктивных технологий: реалии времени и христианские ценности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43. № 1. С. 155–160.

Тарасов Н. Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический юридический журнал. 2000. № 1. С. 4–15.

Тарусина Н. Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.

Чудинов Э. М. Строительные леса научной теории и проблема рациональности // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 361–380.

Barret-Kriegel B. Sphère privée, citoyenneté, démocratie // Théry I., Biet C. (textes réunis et présentés par) La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil. Paris : Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou, 1989. P. 147–146. URL: <https://archive.org/details/lafamillelaiole0000cent/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 07.12.2023).

Beauchamp T. L., Childress J. F. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. 417 p.

Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York : Oxford University Press, 1986. URL: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (дата обращения: 07.12.2023).

Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London : Routledge, 1997. URL: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (дата обращения: 02.06.2023).

Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press, 1962. 285 p. URL: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (дата обращения: 07.12.2023).

Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès // Pouvoirs. Bioéthique. 1991. № 56. P. 87–107. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (дата обращения: 07.12.2023).

Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study : Monograph. Londres : London University Press, 1913. URL: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (дата обращения: 07.12.2023).

Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob, 2010. 185 p.

Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge University Press, 1992. URL: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (дата обращения: 07.12.2023).

Warnock M. A. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York : Basil Blackwell, 1985. URL: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (дата обращения: 07.12.2023).

REFERENCES

Antokolskaya MV. Family law. Moscow: Jurist Publ.; 1996. (In Russ.).

Bartko AN, Mikhailovskaya-Karlova EP. Principles and main problems of biomedical ethics. Moscow: MMSI Publ.; 1999. (In Russ.).

Belova DA. Consent to the use of artificial reproduction and its legal significance for establishing the origin of the child. *Lex russica*. 2020;73(8):21-31. (In Russ.).

Belyaletdinov RR. Risks of modern biotechnologies: socio-humanitarian analysis. Moscow: 4 Print Publ.; 2019. (In Russ.).

Burmistrova EV. Establishing the origin of children when using artificial methods of human reproduction. *Family and Housing Law*. 2013;2:4-6. (In Russ.).

Giddens E, Sutton F. Basic concepts in sociology. Tr. from Eng. by Rozhdestvenskaya E. National research. Higher School of Economics Univ. 3rd ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2021. (In Russ.).

Tomsinov VA. Legislation of Emperor Peter III: 1761–1762. Legislation of Empress Catherine II: 1761–1782. XXXII. Moscow: Zertsalo Publ.; 2011. (In Russ.).

Kirichenko KA. The evolution of doctrinal approaches to the institution of kinship in domestic family law. *Vestnik NSU. Series «Law»*. 2007;3(2):18-27. (In Russ.).

- Kiselyov VA, Smirnova TV. «Slippery slope» and bioethics: from logic to anthropology. *Tsenosti i smysly = Values and Meanings*. 2021;4(74):15-27. (In Russ.).
- Krasnova TV. Bioethical prerequisites of the recipient's civil status in the oocyte donation program. *Tomsk State University Journal. Law*. 2022;45:177-192. (In Russ.).
- Lebedeva OYu. Certain problems of deducing the progeny of children under the legislation of the Russian Federation and foreign countries. *Lex russica*. 2015;98(1):96-103. (In Russ.).
- Lebedeva OYu. The legal category of «kinship» in modern family law. *Family and Housing Law*. 2013;3:21-24. (In Russ.).
- Mikhailova IA. The legislation regulating establishment of the origin of children needs to be adjusted. *Issues of Juvenile Justice*. 2009;2:17-20. (In Russ.).
- Noskova MS. The problem of the legalization of mitochondrial replacement therapy and the procedure of determining the origin of children born of three parents. *President Law Journal*. 2020;2:37-43. (In Russ.).
- Pantykina MI. About how to write a scientific text: Bruno Latour's recommendations. *Bulletin of Samara State Technical University. Series «Philosophy»*. 2023;5(1):41-47. (In Russ.).
- Serova OA. A new paradigm of legal and ethical responsibility in the context of the dominance of biotechnology. *Methodological Problems of the Civil Law Researches*. 2022;4:48-64. (In Russ.).
- Sukhareva ER. Problems of legal regulation of the child's origin in the context of the use of reproductive technologies: the realities of the time and Christian values. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series «Philosophy. Sociology and Law.»* 2018;43(1):155-160. (In Russ.).
- Tarasov NN. Truth in Legal research (some methodological problems). *Academic Law Journal*. 2000;1:4-15. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family values under the auspices of law: the new in tradition and tradition in the new. *Lex russica*. 2023;76(1):33-52. (In Russ.).
- Chudinov EM. Scaffolding of scientific theory and the problem of rationality. In: The ideals and norms of scientific research. Minsk; 1981. (In Russ.).
- Barret-Kriegel B. Sphère privée, citoyenneté, démocratie. In: Théry I, Biet C. (textes réunis et présentés par) La famille, la loi, l'État. De la Révolution au Code civil. Paris: Imprimerie nationale et Centre Georges Pompidou; 1989. (In Fr.). Available at: <https://archive.org/details/lafamillelaloile0000cent/page/n7/mode/2up> (Accessed 07.12.2023).
- Beauchamp TL, Childress JF. Principles of Biomedical Ethics. 6th ed. Oxford: Oxford Univ. Press; 2009.
- Engelhardt T. Bases de la bioéthique. New York: Oxford University Press; 1986. Available at: <https://archive.org/details/foundationsofbio0000enge> (Accessed 07.12.2023).
- Franklin S. Embodied Progress: a cultural account of assisted conception. London: Routledge; 1997. Available at: <https://archive.org/details/embodiedprogress0000fran> (Accessed 07.12.2023).
- Grzybowski K. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. Soviet Legal Institutions: Doctrines and Social Functions. University of Michigan Press; 1962. Available at: https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1025&context=michigan_legal_studies (Accessed 07.12.2023).
- Labrusse-Riou C. La maîtrise du vivant: matière à procès. Pouvoirs. Bioéthique. 1991;56:87-107. Available at: <https://revue-pouvoirs.fr/la-maitrise-du-vivant-matiere-a/> (Accessed: 07.12.2023).
- Malinovskij R. The family among the Australian aborigines; a sociological study: Monograph. Londres: London University Press; 1913. Available at: <https://archive.org/details/familyamongaust00mali> (Accessed 07.12.2023).
- Pedrot P. Les seuils de la vie. Biomédecine et droit du Paris. Odile Jacob; 2010.
- Strathern M. After Nature: English Kinship in the Late Twentieth Century. Cambridge University Press, 1992. Available at: <https://philpapers.org/rec/STRANE> (Accessed: 07.12.2023).
- Warnock MA. Question of Life: The Warnock Report on Human Fertilisation and Embryology. New York: Basil Blackwell; 1985. Available at: <https://archive.org/details/questionoflifewa0000warn> (Accessed 07.12.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комиссарова Елена Генриховна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, профессор кафедры гражданского права и процесса Тюменского государственного университета
д. 15, Букирева ул., г. Пермь 614919, Российская Федерация
eg-komissarova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Komissarova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil Law, Perm State National Research University; Professor, Department of Civil Law and Procedure, Tyumen State University, Perm, Russian Federation
eg-komissarova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20 сентября 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 декабря 2023 г.

Принята к печати 16 января 2024 г.

Received 20.09.2023.

Revised 13.12.2023.

Accepted 16.01.2024.